

Властные притязания Константинополя как угроза единству Церкви

*Выступление председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона на **конференции** Синодальной библейско-богословской комиссии «Мировое Православие: первенство и соборность в свете православного вероучения» 16 сентября 2021 года.*

Ваше Святейшество!

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, всечестные отцы, братья и сестры!

Как отметил в своем слове Святейший Патриарх, ситуация в семье Православных Церквей отражает охвативший ее кризис. У этого кризиса есть разные аспекты, но один из них, на мой взгляд, наиболее значимый, – это угроза единству Православия.

Единство заповедал Своим ученикам Сам Господь Иисус Христос. Тема единства неоднократно звучит в Первосвященнической молитве Спасителя: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21); «И славу, которую Ты дал мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне, да будут совершены во едино» (Ин. 17:22-23).

Православное вероучение, опираясь на Евангелие, говорит о единстве и единственности Церкви, и ставит это свойство первым в ряду ее свойств. Богословское основание единства Церкви проистекает, прежде всего, из того, что Бог один. В Церкви происходит единение верующих друг с другом и с Главой Церкви – Господом Иисусом Христом. Священное Писание содержит множество образов, отражающих единение верующих со Христом, среди которых можно выделить образ Церкви как Тела Христова, предложенный святым апостолом Павлом.

Святоотеческое богословие уже с первых веков существования Церкви продолжало тему единства, выражая ее суть образным языком. Священномученик Игнатий Богоносец пишет: «Составляйте из себя все до одного хор, чтобы, согласно настроенные в единомыслии заданным от Бога тоном единства, вы бы единым гласом возносили песню Отцу через Иисуса Христа, ибо Он услышал вас и по добрым делам вашим признал вас членами Своего Сына. Итак, полезно для вас быть в безупречном единстве, чтобы сопричастовать Богу»^[1].

Всякая угроза единству Церкви есть угроза Телу Христову, в котором все верующие объединены одной верой, Евхаристией и Своим Главой – Иисусом Христом. Именно поэтому наиболее трагичными событиями в истории Церкви являются расколы, в которых нарушается заповеданное Христом единство, утрачивается единомысленное пребывание в вере, прекращается единение вокруг евхаристической Чаши, нарушается апостольское преемство иерархии, а в Телу Христовом возникает глубокая рана.

В истории Церкви найдется немало примеров того, как деяния отдельных ее членов приводили к трагическим разделением, последствия которых мы ощущаем до сих пор. Эти страницы церковной истории могли бы послужить уроком и предостережением от подобных действий в настоящем и будущем. Однако и по сей день единство Православия подвергается угрозам не только извне, но и изнутри от тех, кто пытается действовать вопреки православному вероучению и канонической традиции. Такие действия мы наблюдаем сегодня со стороны Константинопольского Патриархата.

Как известно, этот Патриархат, начиная с середины XI века, занимал в семье Поместных Православных Церквей первое по чести место. Каким образом оно было ему усвоено? В силу прискорбного стечения обстоятельств. На протяжении многих веков первой кафедрой

христианского мира был Рим как столица империи. После того, как императором Константином на берегах Босфора была основана новая столица, на II Вселенском Соборе было принято постановление, уравнивавшее Новый Рим – Константинополь – как «град царя и синклита», с Римом ветхим. Благодаря этому решению Константинополь занял второе после Рима место в диптихе Церквей. Когда же в 1054 году произошел разрыв общения между Константинополем и Римом, первенство в семье Восточных Православных Церквей как бы автоматически перешло к Константинополю. Но это было первенство чести, а не власти.

На протяжении нескольких веков такое понимание отстаивали и сами Константинопольские Патриархи, в частности, в полемике против притязаний Римского Папы на вселенскую юрисдикцию. В 1894 году Константинопольский Патриарх Анфим VII в послании Римскому Папе Льву XIII писал: «Божественные отцы, почитая епископа Рима только как епископа царствующего града империи, предоставили ему почетную привилегию председательства, смотрели на него просто как на первого между другими епископами, то есть первого между равными, каковую привилегию дали потом и епископу города Константинополя, когда этот город стал царствующим в Римской империи... Каждая в отдельности автокефальная Церковь на Востоке и Западе была всецело независима и самоуправляема во времена семи Вселенских Соборов... а епископ Римский не имел права вмешательства, будучи и сам также подчинен соборным постановлениям»^[2].

Так понимали первенство во Вселенской Церкви Константинопольские Патриархи вплоть до начала XX века. А что думает о нем их ныне здравствующий преемник? Для примера приведем его наставления, которые он дал одному из недавно рукоположенных епископов: «Ты же служи подлинной и неизменной еkkлесиологии, далекой от печального искажения, [состоящего в том], что мы все равны, а первый, Константинопольский, существует просто “чести ради”. Да, мы равны, у нас один и тот же архиерейский сан, но на основании канонов и многовекового предания мы получили иные привилегии, ключевого значения и уникальные по характеру, от которых мы ни в коем случае не намереваемся отказываться»^[3]. А три года назад, обращаясь к собору епископов Константинопольской Церкви, Патриарх Варфоломей произнес, в частности, такие слова: «Начало Православной Церкви – Вселенский Патриархат, “в нем жизнь, и жизнь есть свет Церквей” ... Православие не может существовать без Вселенского Патриархата»^[4].

Можно было бы привести и многие другие высказывания Константинопольского Патриарха Варфоломея, свидетельствующие об искажении им святоотеческой еkkлесиологии. Полагаю, что все они будут внимательно изучены предстоящим Архиерейским Собором и получат богословскую и каноническую оценку.

Откуда идет такое раздувание роли Константинопольского Патриархата в жизни мирового Православия? С чего или с кого все началось? История свидетельствует, что все началось с

Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса), возглавлявшего Константинопольскую кафедру в 1920-х годах. Именно он разработал теорию, согласно которой Константинопольский Патриарх не просто является первым в ряду предстоятелей Поместных Православных Церквей, но и имеет некие особые привилегии, отличающие его от других Предстоятелей и ставящие его над ними.

В частности, при нем Константинополь стал позиционировать себя как высшая апелляционная инстанция для всей Православной Церкви. Согласно созданной Патриархом Мелетием теории, любой епископ или клирик из любой Поместной Церкви, осужденные за какие-либо канонические преступления, имеет право обращаться в Константинополь и обжаловать вынесенный ему приговор; решение Константинополя в таком случае должно считаться окончательным.

На основании расширительного толкования 28-го правила Халкидонского Собора при Патриархе Мелетии стали утверждать также эксклюзивные права Константинополя как право на всю православную диаспору. В этом правиле говорится лишь о том, что митрополиты Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов Римской империи, а также «епископы у иноплеменников вышереченных областей» должны поставляться в Константинополе. Однако, отталкиваясь от этого правила, изобрели теорию о том, что юрисдикция Константинопольского Патриарха должна простирается над всеми «иноплеменниками», включая всех православных жителей Западной Европы, обеих Америк, Австралии и Азии.

Можно говорить о разных источниках угрозы единству Церкви, но если остановиться именно на богословской стороне этой теории, то на первое место выступают искажения экклезиологии, которые неизбежно несут в себе разрушительную силу, направленную против единства Православия. Мы только сейчас в полной мере осознали, к каким тяжелым последствиям для единства Церкви ведут односторонние притязания Константинополя. Но люди, обладавшие зорким богословским умом, распознали опасность, исходящую от этих притязаний, задолго до нынешнего печального времени.

В своем выступлении я хотел бы остановиться, в частности, на вкладе в богословское осмысление единства Церкви и потенциальных причин его разрушения, который был сделан в середине XX века схиархимандритом Софронием (Сахаровым), недавно канонизированным Константинопольским Патриархатом в лике преподобных.

Когда отец Софроний после более двадцати лет пребывания на Афоне в конце 1940-х годов оказался во Франции, ему пришлось окунуться в водоворот юрисдикционных споров, не затухавших в русских эмигрантских кругах. Одним из вопросов, который тогда активно обсуждался, была роль Константинопольского Патриарха как «первого среди равных» в семье Предстоятелей Поместных Православных Церквей. Этот вопрос имел особую актуальность для

Архиепископии русских приходов, находившейся на тот момент в составе Константинопольского Патриархата, но не меньшую важность имел и для Московского Патриархата.

В 1950 году отец Софроний опубликовал большую статью под названием «Единство Церкви по образу единства Святой Троицы»^[5]. В ней он выступил с резкой критикой «Константинопольского папизма», который, по его словам, «находится еще в зачаточном состоянии». Адептами этого папизма являлись на тот момент представители русской Константинопольской юрисдикции, проживающие во Франции. При жизни митрополита Евлогия они «искали прежде всего “канонической базы”, чтобы не оторваться от тела Вселенской Православной Церкви после отрыва от Матери Русской Церкви... До 1946 года, следуя митрополиту Евлогию, эта группа мыслила свое подчинение Константинополю как временное, начиная же с этого момента, они сочли себя обретшими “каноническую правду” и перешли уже в постоянное подчинение, ища ему не только канонические, но и богословские основания».

Митрополит Евлогий (Георгиевский), как известно, незадолго до смерти вернулся в Московский Патриархат и призвал членов Архиепископии за ним последовать. Однако большинство предпочло остаться в подчинении Константинополя. Для оправдания этого решения они, как пишет отец Софроний, «сначала признали преимущество юрисдикционных прав за Константинополем... Затем они стали утверждать за Константинополем право высшей апелляционной инстанции во Вселенской Церкви, забывая вековую борьбу последней против притязаний Рима на это право; забывая, что именно эти притязания Рима привели к великому и окончательному разделению церквей в 1054 году. Забывая, что на Флорентийском Соборе Рим больше всего добивался от Востока признания за ним права высшей апелляционной инстанции во Вселенской Церкви. Забывая многие каноны Вселенских и Поместных Соборов, отрицающие подобное право за какой бы то ни было Поместной Церковью. Забывая борьбу той же Константинопольской Церкви, которая стояла твердо на православной позиции, когда ей нужно было бороться против притязаний Рима».

Отец Софроний, таким образом, проводит прямую параллель между притязаниями Рима на вселенское главенство, приведшими к «великому расколу» и современными (по состоянию на 1950 год) притязаниями на такое же главенство Константинопольского Патриарха. Русские адепты «Константинопольского папизма», по словам отца Софрония, «признали за Константинополем исключительное право на всю православную диаспору в мире, отрицая таковое за прочими автокефальными Церквями в отношении своей диаспоры. Не имея для этого никаких оснований ни в каноническом строе Церкви, ни в ее вековой практике, они, подобно Первому Риму, стали утверждать эти права не на основании канонов, а на основании повелений “Самого Бога”».

В Окружном послании Патриарха Константинопольского Афинагора, изданном в Неделю Православия 1950 года, отец Софроний усматривает «все большее и большее уподобление Первому Риму; в сущности, мысль, что если Первый Рим отпал, то на его место становится Второй Рим с теми же правами, с той же аргументацией». Константинополь «не устанавливает еще своего иносущия другим автокефальным Церквам, но мыслит их уже умаленными пред собой: Константинополь – все, он – Вселенская Церковь, а прочие – части, и лишь постольку принадлежат к Вселенской Церкви, поскольку связаны с Константинополем».

В такой постановке вопроса отец Софроний усматривает опасное отклонение от православного вероучения, которое именует ересью: «Нужно ли говорить, что и эта форма папизма также является экклезиологической ересью, как и Римский папизм? Нужно ли говорить о том, что осуществленный в жизни Церкви, он неизбежно приведет к извращению всего духовного образа нашего бытия? Связывая, подобно Первому Риму, с локальным моментом (а в отношении Константинополя нужно добавить, и расовым – греческим), исключительные права на власть и учительство в Церкви, он возвращает нас к тем временам, о которых читаем в Евангелии: “Отцы наши поклонялись на этой горе; а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме”».

В своей статье отец Софроний разбирает учение о том, что Константинополь является «Церковью-Матерью» для всех Поместных Церквей. Во-первых, даже если бы это было так, это не давало бы никаких преимуществ материнской Церкви перед дочерними Церквами. А во-вторых, пример Иерусалимской Церкви убедительно показывает, что это не так: именно Иерусалимская Церковь «является единственною бесспорною Матерью всех Церквей, не исключая и Первого Рима».

Далее подробно рассматривается принцип автокефального устройства Поместных Церквей. По словам отца Софрония, «понятие автокефалии говорит о том, что Кафолическая Церковь в каждом месте является в полноте данной ей благодати, и в силу этой полноты благодатных даров везде она есть не что иное, как именно Единая Кафолическая Церковь. Понятие автокефалии говорит о том, что ни место, ни титул, ни расовое происхождение в Церкви не дают преимущества в отношении власти или учительства пред другими местами или народами; оно говорит о том, что Дух Святой “дышит идеже хочет”, и дыхание Его в Церкви не зависит от произвола какого бы то ни было иерарха».

В конце статьи отец Софроний объясняет, почему решил высказаться на столь злободневную тему: «Борясь против появившегося в недрах нашей Святой Церкви неопапизма, мы боремся только за истину в церковном и вечном смысле этого слова. Мы отвергаем всякий “Рим”, и Первый, и Второй, и Третий, если речь идет о внесении принципа субординации в бытие нашей Церкви. И Римский, и Константинопольский, и Московский, и Лондонский, и Парижский, и Нью-Йоркский, и

всякий иной папизм, мы отвергаем как еkkлезиологическую ересь, искажающую христианство».

Вступив в борьбу против новоявленной ереси, отец Софроний следовал древней монашеской традиции, согласно которой монахи покидали свои безмолвные кельи в том случае, если Церкви угрожало опасное лжеучение. Примерами участия монахов в борьбе против ересей наполнена вся история Церкви. И отец Софроний не остался в стороне, когда почувствовал, какая опасность угрожает Церкви.

Помимо духовной интуиции, он обладал еще и богословской интуицией. «Искажение в чем бы то ни было частном непременно отразится и на целом, – писал он. – Если мы теперь исказим учение о Церкви... то как может она послужить Своим сынам путем к Истине? Вы спросите, но в чем же это искажение видно теперь? Отвечаем: в Константинопольском неопапизме, который чрезвычайно быстро из фазы теоретической пытается перейти в практическую».

Переход из теоретической фазы в фазу практическую, которое пророчески предсказал отец Софроний, совершился на наших глазах. Семьдесят лет спустя после выхода в свет его статьи сбылось то, против чего он предостерегал: папистские притязания Константинополя привели к новому «великому расколу», теперь уже внутри Православия.

Искаженное понимание первенства на уровне Вселенской Церкви является не только отступлением от православной еkkлезиологии, но и реальной угрозой единству Церкви, особенно в том случае, когда это понимание первым по диптиху Предстоятелем навязываются другим Предстоятелям. Именно попытки Константинополя утвердить свою единоличную власть в Церкви лежат в основе межправославных кризисов последних десятилетий.

Не будем забывать о том, что незаконному и антиканоническому вторжению Константинополя в пределы Украины в 2018 году предшествовало его не менее незаконное вторжение в Эстонию в 1996 году. Уже тогда это привело к разрыву евхаристического общения Русской Церкви с Константинополем. И хотя компромиссное решение ценой многих усилий было найдено, Константинопольская сторона так до сих пор не выполнила тех обязательств, которые взяла на себя в качестве одного из условий восстановления общения. Хрупкий мир оказался лишь перемирием перед, к сожалению, гораздо более серьезным конфликтом, разразившимся на наших глазах.

Притязания Константинополя на вселенское главенство с особенной ясностью проявились при проведении Критского собора в июне 2016 года. С самого начала предсоборного процесса его участники с надеждой смотрели на предстоящий Святой и Великий Собор как на историческое собрание, в котором примут участие все автокефальные Православные Церкви, как на собрание,

которое видимым образом засвидетельствует миру единство Святого Православия. Именно поэтому Поместные Церкви договорились, что все решения как на подготовительных к Собору мероприятиях, так и на самом Соборе будут приниматься на основании консенсуса. Но после того, как за несколько недель до намеченной даты Собора четыре Поместные Церкви аргументированно отказались в нем участвовать и попросили отложить его проведение, стало очевидно, что Собор проводить нельзя, поскольку он не сможет выполнить свое предназначение – стать иконой единой Православной Церкви.

Тем не менее, вопреки голосу этих Церквей Константинопольский Патриархат решительно и безапелляционно настоял на проведении собора. И мы теперь понимаем, почему. Он преследовал иные цели. Ему нужна была иная икона – образ единого для всей Церквей земного главы, который, не считаясь ни с кем и по своему только усмотрению, созывает Всеправославные Соборы и объявляет обязательными их решения даже для тех, кто в них не участвовал.

К каким последствиям привело проведение Критского собора, мы все знаем: часть Поместных Церквей признают его всеправославным, другие таковым его не считают. Налицо разделение. Однако несравненно больший удар по единству Церкви нанесло вторжение Константинопольского Патриарха на Украину и легализация им украинского раскола в 2018 году.

Сегодня вечером в рамках нашей конференции мы представим вниманию ее участников наиболее полное собрание документов по истории воссоединения Киевской митрополии с Русской Православной Церковью в 1686 году. Это коллективный труд, плод усилий лучших российских ученых и компетентных специалистов нашей Церкви.

Изданные документы убедительно подтверждают, что при передаче Киевской митрополии под церковную юрисдикцию Московского Патриархата не было и речи о якобы временном или ограниченном характере этой передачи. В документах прямо говорится: «Митрополия Киевская да будет подчинена Святейшему Патриаршему престолу Московскому, и архиереи в ней да признают старейшиной и Предстоятелем Патриарха Московского, какой будет в данное время, как рукополагаемые им». Ни слова о каком-либо временном характере данного решения или о возможности его пересмотра в будущем.

Из этого исходили и сами Константинопольские Патриархи, когда публиковали в ежегодных календарях своей Церкви имена архиереев Украинской Православной Церкви как находящейся в составе Московского Патриархата, когда признавали решения, касающиеся Украинской Церкви, как относящиеся к сфере исключительной компетенции Русской Православной Церкви. Так, например, когда в 1992 году канонические прещения были наложены на митрополита Филарета (Денисенко), Патриарх Варфоломей написал приснопамятному Патриарху Алексию II: «В ответ на

соответствующие телеграмму и письмо Вашего зело возлюбленного и досточтимого Блаженства по поводу возникшей в Вашей Святейшей Сестре – Русской Церкви проблемы, которая привела ее Священный Синод по известным ему причинам к низложению до недавнего времени ведущего члена Синода митрополита Киевского господина Филарета, мы желаем братски сообщить Вашей любви, что наша Святая Великая Христова Церковь, признавая полноту исключительной по этому поводу компетенции Вашей Святейшей Русской Церкви, принимает синодально решенное о вышесказанном, не желая доставлять никакой трудности Вашей Сестре-Церкви».

Но в 2018 году все неожиданно поменялось. Константинополь в одностороннем порядке пересмотрел акт 1686 года и объявил его якобы временно, ввиду крайней необходимости, предоставленным разрешением Московскому Патриарху на рукоположение митрополитов Киевских. Это было сделано с единственной целью – оправдать вторжение на Украину. Вторжение же было осуществлено под предлогом уврачевания раскола. На деле никакого уврачевания не произошло, так как епископат Украинской Православной Церкви, за исключением двух архиереев, отказался присоединиться к раскольничьему сборищу, легитимизированному Константинопольским Патриархом.

В результате создалась беспрецедентная ситуация, когда Церковь, имеющая более двенадцати тысяч приходов, более двухсот пятидесяти монастырей, представляющая собой самую многочисленную религиозную общину Украины, была объявлена Константинополем как бы «несуществующей», а ее законные права и даже наименование всеми правдами и неправдами пытаются передать раскольникам.

Назвать действия Константинополя исцелением раскола на Украине невозможно. Их очевидная неканоничность и даже абсурдность наводит на мысли, что на Фанаре в действительности преследовали совсем другие цели. Константинополь, похоже, решил показать всему миру, кто в Православии «хозяин». Теперь, всякий, кто признаёт легализацию украинского раскола и новосозданную «православную церковь Украины», автоматически признаёт и то, что Константинопольский Патриарх обладает ничем и никем не ограниченной властью во Вселенской Православной Церкви: он может по собственному усмотрению и не считаясь ни с кем отменять исторические договоренности трехсотлетней давности, объявлять епископами лиц, никогда не имевших архиерейской хиротонии, росчерком пера провозглашать многомиллионную Церковь «несуществующей» и так далее.

Не будет преувеличением сказать, что вторжение на Украину, ставшее практически воплощением теоретических наработок константинопольских горе-богословов, может привести к таким же печальным и необратимым последствиям, что и события 1054 года. Ведь тогдашние участники событий – Константинопольский Патриарх Михаил Керулларий с одной стороны,

папские легаты с другой – вряд ли предполагали, что разделение продлится долго. А оно длится уже без малого тысячу лет.

Угрозы единству Православия, которые мы наблюдаем сейчас в действиях Константинополя, требуют широкого и многостороннего осмысления как со стороны иерархов, так и со стороны богословов. Именно поэтому, в преддверии Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, мы проводим сейчас богословскую конференцию, посвященную первенству и соборности в Православной Церкви. В ходе конференции, надеюсь, мы сможем выполнить задачи, о которых сказал Святейший Патриарх, и использовать результаты нашей работы в дальнейших трудах по оценке ситуации в мировом Православии.

^[1] Ефес. 4.

^[2] Окружное Патриаршее и Синодальное послание Константинопольской Церкви по поводу энциклики Льва XIII о соединении Церквей от 20 июня 1894 года.

^[3] Слово Патриарха Варфоломея на вечерне в Андреевской церкви в Киеве (21.08.2021 г.).

^[4] Слово Патриарха Варфоломея на Синаксисе иерархии Константинопольского Патриархата (1-4 сентября 2018 г.).

[5] Статья цитируется по публикации в «Вестнике Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» №№ 2-3, 1950 (Париж).